

УДК 316.346.32–053.9
ББК 60.542.18

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ И ВОЗРАСТНОГО НЕРАВЕНСТВА (ОБЗОР ЗАПАДНЫХ КОНЦЕПЦИЙ)¹

О.В. Сергеева

В статье рассматриваются ключевые идеи западных социологов по проблеме старения. Современные исследования акцентируют такие понятия, как: нормальное vs ненормальное старение, неравенство в пожилом возрасте, старение и управление идентичностью. Наблюдается исследовательский поворот к критическому анализу властных отношений и положения пожилых. Как для западных, так и для отечественных социологов актуальным является расширение проблематики в исследованиях старения.

Ключевые слова: старение, пожилые люди, возрастное неравенство, теории старения, социология.

Ранние социологические теории старения, появившиеся в западной науке в 60-е гг. XX в., рассматривали исключение пожилых людей из активной социальной жизни как неизбежный результат модернизации. Высказывалась идея, в том числе теоретиками модернизации, что индустриальная революция и развитие национальных государств имели отрицательные последствия для представителей старших возрастных групп [3]. Люди преклонных лет оказались в «роли потерявших роль». По мере того как производительный труд перемещался из дома на фабрики, пожилые теряли экономическую независимость, которая сопровождает работающего человека, они теряли и своих близких – молодых детей и внуков, уезжавших в города и тем самым изолировавшихся от старших поколений. Ранние теории старения были сосредоточены на адаптации к этой потере роли, рассматривая ее как самый важный фактор для «успешного» или «нормального» старения и удовлетворенности собой в поздний период жизни. Хотя в адрес теории модернизации было много критики и ряд ее постулатов был опровергнут дальнейшим историческим развитием, разработка темы возраста и потери ролей, а также

представления об изменении статуса пожилых остались.

В отличие от девелопменталистской перспективы, теория старения как уменьшения обязательств, разработанная американцами Э. Каммингом и В. Генри, доказывала, что и пожилой человек, и общество извлекают выгоду из ухода пожилых от активной социальной жизни, особенно от активной трудовой деятельности. Согласно теории уменьшения обязательств, ослабление взаимодействий между стареющими индивидами и обществом сформировалось как универсальный процесс, который освобождает пожилых от давления социальных институтов и соблюдения социальных норм, что облегчает переход от жизни к смерти [6].

На объяснение того, как протекает успешный процесс старения, была также направлена теория деятельности чикагских ученых Б. Ньюгартена, Р. Хавигурста и Ш. Тобина. Странники теории деятельности не соглашались с моделью «уменьшения обязательств» и считали, что изоляция и отказ от социальной активности отнюдь не являются естественными процессами в ходе старения и что психологические и социальные потребности в пожилом возрасте не имеют принципиальных отличий от потребностей людей среднего возраста. Такая точка зрения подразумевала, что с увеличением возраста можно и нужно

оставаться активным и поддерживать максимально долго ту деятельность, которую ведут люди среднего возраста, заменяя ее очень незначительно на какие-то новые действия [14].

В определении успешного старения концептуально близка теории деятельности теория социально-психологической непрерывности Р. Эчли. Ученый считал, от возраста к возрасту люди пытаются поддерживать непрерывность своего образа жизни, действий и отношений. Происходит приспособление к изменениям, как к внутренним (установки, ценности, характер), так и к внешним (деятельность, роли, окружающая среда). По мнению Р. Эчли, люди активно и непрерывно воспроизводят самость во времени, поскольку по мере того как мы становимся старше, наш «образ-Я» все более и более проходит проверку [2].

Большинство исследований пожилых людей, проводившихся в 60–70-е гг. XX в., развивали, проверяли и сравнивали идеи, высказанные авторами теории «уменьшения обязательств», теории деятельности, теории социально-психологической непрерывности. Научные дискуссии тех десятилетий закончились небольшой поддержкой теории «уменьшения обязательств», и было признано, что уход пожилых от активной социальной жизни не является универсальной социальной закономерностью или нормальной составляющей процесса старения.

Однако, несмотря на то что социологическое понимание старения как ослабления взаимодействий между стареющими индивидами и обществом постепенно было отклонено, эти идеи оставили отпечаток на всех последующих разработках и продолжающемся интересе к пониманию удовлетворенности жизнью в старости. В исследовании Ч. Лонгино и К. Карта, основанном на теории деятельности, рассматривалось сохранение тесной сети близких друзей и родственников в качестве главного показателя удовлетворенности жизнью в преклонном возрасте [17]. Некоторые работы того периода соотносились и с теорией социально-психологической непрерывности, но она вызвала критику за осмысление нормального старения в связи с появлением физических или психических недостатков. В публикациях теоретиков феминизма пока-

зывалось, что текущие исследования осмысливают только мужской опыт и формируют мужскую модель старения, при этом высокий процент бедности среди пожилых женщин трактовался как признак неполноценности [4].

Постепенно изучение старения, несколько десятилетий развивавшееся в направлении кризисного видения пожилого возраста как социальной проблемы, повернулось к интересу к возрасту как характеристике социальной структуры и личной биографии. Фактором, сделавшим этот поворот возможным, стало появление на общественной арене когорт демографического взрыва, так называемых бебибумеров, родившихся после Второй мировой войны. Именно это сыграло большую роль в преобразовании исследовательской области социологии старения и в теоретическом, и в эмпирическом плане. Социологи попытались рассмотреть поколенческие различия и то, как это могло бы влиять на социальные изменения, сосредоточиваясь в особенности на деятельности и вкладах поколений в ходе каждой стадии их жизни. Социологи стремились объяснить различия в мировоззрении и ценностях бебибумеров по сравнению с их родителями, бабушками и дедушками и то, как это сказывается на социальных изменениях и нормативной среде главных общественных институтов. Это, например, работы Н. Райдера и Р. Истерлина [21; 7].

Так, анализ когортных изменений, вызвавший интерес и получивший влияние, становится ведущей концепцией в социологии старения. Социальные изменения и процессы в составе народонаселения взаимозависимы. Непрерывное изменение, вызванное приходом разных поколений, обеспечивает возможность для новых идей и динамики социальных норм и институтов. Происходят и социальные изменения, связанные со старением, поскольку, вступая в новый возраст, индивиды двигаются от одного набора ролей и статусов к другому. Каждое последующее поколение пожилых отличается от предыдущего, и меняется сама концепция старости [12].

Обоснование стратификационной теории возраста, второй ведущей теоретической перспективы наряду с когортным анализом, способствовало тому, что социология старения отказалась от представления о пожилым

возрасте как дисфункции [20]. Было определено различие между возрастом как характеристикой индивида и возрастом как особенностью социальных систем. Стратификационная теория возраста настаивала, что возраст наряду с расой, полом и доходом является основной категорией стратификации и различия во всех обществах. Возрастная стратификация модерна закрепляет распределение ресурсов в пользу молодых и людей средних лет. До своей смерти в 2004 г. Матильда Уайт Райли фундировала и расширяла стратификационную теорию возраста, представляя много влиятельных теоретических концептов, например *возрастное ранжирование ролей и структурный лаг*. Понятие «структурный лаг», или отставание, описывает напряжения и противоречия, которые могут возникать из-за отсутствия согласия между предлагаемыми общественной структурой возрастными ролями и индивидами. Иными словами, это несоответствие социальной структуры демографическим изменениям и изменениям жизненного пути человека [1].

Критика теории возрастной стратификации началась в 70-е гг. XX в. с указания на то, что, хотя возраст и является важным источником идентичности, он часто затрагивает возможности жизнедеятельности меньше, чем другие характеристики и качества человека, являющиеся критериями стратификации. Критики писали о функционалистской ориентации стратификационной теории возраста, о ее преобладающем внимании к некоторым темам и исключению или недостаточному развитию других [19]. Так, например, наблюдался недостаток внимания к власти, конфликту и другим основам стратификации и в целом к проблемам социального макроуровня, таким как роль социальных движений в социальном изменении.

Тема, остававшаяся в стратификационной теории возраста без достаточного внимания, это рассмотрение различий в возрастных когортах, обусловленных расой, полом и социальным классом, включая отношения власти и политические процессы, посредством которых воспроизводится неравенство. Сложившаяся политэкономическая перспектива отличалась фокусированием на опыте старения и пожилом возрасте как явлениях, нахо-

дящихся в пределах широкого социального контекста, в особенности – организации экономики и общественной политики [10]. Сторонники политэкономического подхода рассматривали социальную политику как продукт властных отношений и политической борьбы в данный исторический период, что проявляется в доминировании и подчинении в классовых, расовых, этнических, гендерных и межпоколенных или возрастных отношениях [19]. Например, кросс-национальные сравнительные исследования демонстрировали, что в странах с более значительными программами социального обеспечения правящими партиями выступают, как правило, социал-демократические. Кроме того, исследователи, работавшие в рамках политэкономической перспективы, показали, как доминирующие социальные институты, типа государства всеобщего благоденствия, создают уязвимость и зависимость женщин на протяжении всей их жизни. В дальнейшем это сказывается на экономической безопасности пожилых женщин [6].

Феминистский подход к изучению старения также адресовался к ограничениям предыдущих теорий и концепций. Хотя феминистская перспектива разнообразна, ее сторонники разделяют общее понимание гендерных отношений как силы, которая формирует и социальные организации, и идентичности в направлении мужских привилегий и невыгодного положения женщин. Основа феминистского подхода – изучение мужчин и женщин в отношениях друг к другу, которые детерминированы различиями в обладании властью. Поэтому данный подход обеспечивает важную структуру для исследования не только жизни женщин, но также жизни тех, кто привилегирован в таких измерениях, как раса, этнос, класс или сексуальная ориентация. Например, исследования Э. Горвитца и Г. Ли, Дж. Дайера, Р. Говарда показали, что на женщинах, более вероятно, будут лежать функции заботы о пожилых родителях, они тратят больше времени на воспитание и уход за домочадцами, чем мужчины [15; 16]. Кроме того, мужчины и женщины имеют тенденцию участвовать в различных видах действий по уходу и воспитанию. Однако более поздние феминистские разработки расширили область исследования родительских функций заботы.

Л. Кэмпбел и М. Кэррол изучали опыт мужчин по уходу за родителями и те напряжения, которые испытывает мужчина, находясь в роли няни или сиделки, поскольку эти роли не совпадают с главными культурными значениями мужественности [5].

Критическая геронтология – видное течение в социологической теории старения, объединяющее вклад и политической экономии, и социальных идей феминизма. Критическая теория обеспечивает экспертизу и анализ доминирующей идеологии и существующего социального порядка и бросает вызов основным интересам и целям групп, находящихся у власти. Основной тезис критической геронтологии: старение является социально конструируемым опытом и процессом. Другими словами, опыт старения в значительной степени зависит от социального контекста и культурных значений старости, от того, как другие реагируют на возраст. Сторонники критического подхода делают акцент на опыте исключения или недостаточной представленности пожилых в различных сферах социальной жизни. С использованием идей, находящихся на пересечении критической геронтологии, феминистской теории и политической экономии, выполнено исследование К. Эстис и коллег. Они изучают, как доминирующие социальные институты формируют зависимость и уязвимость женщин в течение всего их жизненного пути и особенно в пожилом возрасте [9].

Анализ социального конструирования идентичности представляет одну из наиболее обширных областей в современном исследовании старения. В центре внимания в этом случае находится феномен управления идентичностью в процессе старения и то, как различные характеристики и качества человека, включая возраст, используются, чтобы строить самоидентификацию в специфических социальных ситуациях. Эта перспектива соотносится с традициями феноменологии и символического интеракционизма и полагается прежде всего на качественные методы – обоснованную теорию, этнографию, биографические рассказы о старении. Классический пример исследования, поднимающего вопросы идентичности, – работа С. Мэтью [18]. Она изучала управление идентичностью среди

пожилых женщин, сталкивающихся с социальным клеймением их в качестве немощных, никчемных, дряхлых. Вторая классическая работа в этом направлении *«Живя и умирая в Мюррей Мэнор»* [11]. В ней использована феноменологическая концепция «социальных миров», для того чтобы показать жизнь организации – частного санатория, который представлен через различные «миры значений», основанные на социальном положении участников. Административный штат, медсестры и живущие в санатории пожилые люди имеют свои способы определения ситуации, свое значение старости и смерти.

Можно говорить и еще об одной влиятельной концепции в современной социологии старения, которой является теоретическая перспектива жизненного пути. Работы этого подхода часто цитируются в исследованиях проблем, возникающих с изменениями в статусах в течение жизни. Этот подход исследует различия в старении применительно к различным когортам, подчеркивая, что индивидуальная биография всегда включена в контекст социальной структуры и исторических обстоятельств. Книга Г. Элдера *«Дети Большой депрессии»* (1974) была одним из первых примеров исследования частной жизни, где были использованы лонгитюдные данные о жизни детей для выводов об исторических изменениях в семье [8]. Недавние исследования в рамках этой перспективы охватывают широкое множество тем – это: неравенство пожилых женщин, жизнь супружеских пар на пенсии, женское здоровье, роль бабушек и дедушек в жизни внуков, трансформация жизненного пути и межпоколенные отношения. Ведущиеся в последнее десятилетие разработки продемонстрировали также, что жизненные изменения стали менее привязанными к возрасту. Так, события в семейной жизни, образовании, работе, здоровье, досуге происходят в течение всей жизни в различном (и многие во все более и более позднем) возрасте, чем предварительно ожидалось.

Обзор, предпринятый в данной статье, ни в коем случае не является исчерпывающим, однако автор полагает, что он может помочь развитию отечественных разработок по данной теме. Любая теоретическая структура может применяться к изучению старения, в то же время

исследования пожилых включают темы из спектра различных социологических подблестей. С самого начала в изучении старения социологи взяли курс на междисциплинарный подход, и сегодня они продолжают привлекать множество теоретических перспектив и методов, чтобы понять процесс старения и, в свою очередь, снабдить другие области исследования новыми идеями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта «Пожилый человек за компьютером: исследование повседневных практик представителей “третьего возраста” в Волгоградской области», проект № 11-13-34006а/В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Age and Structural Lag: Society's Failure to Provide Meaningful Opportunities in Work, Family, and Leisure / ed. by M. W. Riley, R. L. Kahn, A. Foner. – N. Y. : Wiley, 1994. – 304 p.
2. Atchley, R. C. A Continuity Theory of Normal Aging / R. C. Atchley // *The Gerontologist*. – 1989. – Vol. 29. – P. 183–190.
3. Burgess, E. Aging in Western Societies / E. Burgess. – Chicago, IL : University of Chicago Press, 1960. – 492 p.
4. Calasanti, T. Gender and Life Stratification in Retirement: An Assessment of the Male Model / T. Calasanti // *Journal of Gerontology: Social Sciences*. – 1996. – Vol. 51B. – P. S18–S29.
5. Campbell, L. The Incomplete Revolution: Theorizing Gender When Studying Men Who Provide Care to Aging Parents / L. Campbell, M. Carroll // *Men and Masculinities*. – 2006. – Vol. 9. – P. 1–18.
6. Cumming, E. Growing Old: The Process of Disengagement / E. Cumming, W. Henry. – N. Y. : Basic Books, 1961. – 293 p.
7. Easterlin, R. A. Birth and Fortune: The Impact of Numbers on Personal Welfare / R. A. Easterlin. – N. Y. : Basic Books, 1980. – 235 p.
8. Elder, G. H., Jr. Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience / G. H., Jr. Elder. – Boulder, CO : Westview Press, 1974. – 400 p.
9. Estes, C. L. Social Security Privatization and Older Women: A Feminist Political Economy Perspective / C. L. Estes // *Journal of Aging Studies*. – 2004. – Vol. 18. – P. 9–26.
10. Estes, C. L. Toward a Sociology of Political Gerontology / C. L. Estes // *Sociological Symposium*. – 1979. – Vol. 26. – P. 1–25.
11. Gubrium, J. F. Living and Dying at Murray Manor / J. F. Gubrium. – N. Y. : St. Martin's Press, 1975. – 221 p.
12. Hardy, M. A. Cohort Change / M. A. Hardy, A. E. Willson // *Encyclopedia of Aging* / ed. by D. J. Ekerdt, R. A. Applebaum, K. C. Holden, S. G. Post, K. Rockwood, R. Schulz, R. L. Sprott, P. Uhlenberg. – N. Y. : Macmillan Reference, 2002. – P. 235–270.
13. Harrington, M. M. Making Claims as Workers or Wives: The Distribution of Social Security Benefits / M. M. Harrington // *American Sociological Review*. – 1996. – Vol. 61. – P. 449–465.
14. Havighurst, R. J. Disengagement and Patterns of Aging / R. J. Havighurst, B. Neugarten, S. S. Tobin // *Middle Age and Aging: A Reader in Social Psychology* / ed. by B. Neugarten. – Chicago, IL : University of Chicago Press, 1968. – P. 161–172.
15. Horwitz, A. Sons and Daughters as Caregivers to Older Parents: Differences in Role Performance and Consequences / A. Horwitz // *The Gerontologist*. – 1985. – Vol. 25. – P. 612–617.
16. Lee, G. R. Gender Differences in Parent Care: Demographic Factor and Same-Gender Preferences / G. R. Lee, J. W. Dwyer, R. T. Coward // *Journal of Gerontology: Social Sciences*. – 1993. – Vol. 48. – P. S9–S16.
17. Longino, Ch. Explicating Activity Theory: A Formal Replication / Ch. Longino, C. Kart // *Journal of Gerontology*. – 1982. – Vol. 17. – P. 713–722.
18. Matthews, S. The Social World of Older Women: Management of Self Identity / S. Matthews. – Newbury Park, CA : Sage, 1979. – 239 p.
19. Quadagno, J. The Political Economy Perspective in Aging / J. Quadagno, J. Reid // *Handbook of Theories of Aging* / ed. by V. L. Bengtson, K. W. Schaie. – N. Y. : Springer, 1999. – P. 344–360.
20. Riley, M. W. Aging and Society / M. W. Riley, M. Johnson, A. Foner. – Vol. 3 : A Sociology of Age Stratification. – N. Y. : Russell Sage, 1972.
21. Ryder, N. B. The Cohort as a Concept in the Study of Social Change / N. B. Ryder // *American Sociological Review*. – 1965. – Vol. 30. – P. 843–861.

**SOCIOLOGY OF AGING AND AGEISM:
A REVIEW OF THE CONTRIBUTION OF WESTERN APPROACHES**

O.V. Sergeeva

This paper focuses on how the new wave of aging research is constituted, theoretically and methodologically. Current studies are structured around a small number of core concepts, including: normal versus abnormal aging; ageism; poverty and inequality in old age; identity management within the context of aging. A challenge to the development of theories of aging is the criticism and rejection of earlier theories on the basis that they ignored power relations and the diversity of experiences within cohorts. There are ongoing calls for greater recognition of diversity in aging research.

Key words: *ageing, older people, ageism, theories of aging, sociology.*